

В этом противоречии уже проглядывает ирония над обоготворяемым единичным чувственным бытием и просвечивает сознание его ничтожества.

В чувственной достоверности естественное сознание хотело назвать и указать *этот* единичный предмет как истину; мы видели, что ни то, ни другое не удалось, потому что мнимая истина единичного предмета оказалась ложью. В чувственной достоверности Дух познает не как всеобщий; предметом всеобщего может быть только всеобщее, он же хочет обнять единичное, а вследствие этого и сам относится к нему как *единичный*; непосредственная чувственная единичность не может быть предметом всеобщего сознания Духа, но доступна только для чувственной достоверности; чувственная же достоверность не существует как всеобщая, как чувственная достоверность вообще, но как множество непосредственно единичных чувственных достоверностей, как множество непосредственных единичных индивидов, непосредственно созерцающих единичные не выговариваемые предметы. Но *всеобщность* и *непреходимость* составляют два главные и необходимые условия истины; что истинно только для меня и по существу своему не может быть предметом сознания других, то не имеет права на название истины; а мы видели, что единичный предмет чувственной достоверности не выговариваем и не может перейти из сознания одного в сознание другого; кроме этого, созерцаемый мною единичный предмет и для меня самого не остается постоянною истиною – он исчезает и заменяется другим, а потому и с этой стороны не может быть назван истиною; и естественное сознание возвышается над ним к действительно истинному, т. е. ко *всеобщему и непреходящему* предмету. Оно не останавливается на *этом* единичном предмете, но возвышается над ним к его *всеобщему – роду*, определяющемуся и отличающемуся от других также всеобщих предметов *многими существенными качествами*; оно не выдает уже эту единичную березу за истину, но, возвысившись над нею к ее роду, отличает общий род берез от рода дубов, собак и т. д....¹

Таким образом переходит оно из единичного и не выговариваемого мира чувственной достоверности во всеобщий мир *опытного наблюдения*. Рассмотрим теперь сию новую сферу и отношение естественного сознания к новому предмету.

Во-первых, должно заметить, что с изменением предмета изменилось и само естественное сознание; в чувственной достоверности предметом было единичное *это*, а потому и сознающим субъектом было *это* единичное я; в опытном же наблюдении предмет уже не единичный, но *всеобщий*, а вследствие этого и познающий его субъект – также *всеобщий*. Истина опытного наблюдения не зависит более от созерцания *этого* единичного индивида, но, напротив, условливается возвышением над всякой индивидуальностью и должна быть истиною для всех индивидов без исключения; знание *этой* березы, стоящей теперь передо мною, условливается моим индивидуальным созерцанием и существует только для меня как индивидуального, а следовательно, и не-истинного; знание же березы *вообще*, рода или вида берез, как условленное знанием постоянных, существенных и равно для всех существующих качеств этого рода, независимо от индивидуального созерцания, и составляет достояние *всеобщего человеческого сознания, всеобщего субъекта*. Разумеется, что наблюдающий субъект есть то же индивидуальное я, которое было познающим субъектом и в чувственной достоверности, с тою только разницею, что в чувственной достоверности оно относится к предмету как непосредственное, единичное и выдает за истину свое непосредственное, не выговариваемое созерцание: *эту* березу, *этот* дом и проч. Теперь же оно не перестало быть чувственной достоверностью и как чувственная достоверность продолжает созерцать единичные не выговариваемые предметы: если б оно не имело непосредственного, единичного созерцания, то оно не имело бы и предмета для наблюдения; если б оно не созерцало, например, *этих* единичных берез, то оно и не могло бы возвыситься над ними к сознанию березы вообще. Но *наблюдающее Я* разнится от непосредственно созерцающего тем, что оно не останавливается на созерцаемых им единичностях и не выдает их за истину, но возвышается над ними к их Всеобщему роду (наприм. к березе вообще), уже не подлежащему его непосредственному созерцанию, так что, возвышаясь над непосредственностью единичных предметов, оно возвышается и над непосредственностью своего собственного созерцания и сознает уже не как *этот* единичный индивид, но как всеобщее сознание.

Во-вторых, всеобщее наблюдающее сознание относится к наблюдаемому им всеобщему предмету как *несущественное к существенному*, так же, как и в чувственной достоверности: всеобщий

---

¹ Мы употребляем здесь слово «род» в смысле всеобщего и в отношении к единичному, не обращая внимания на то, что род берез, например, есть вид в отношении к общему роду деревьев, отличает его посредством существенных качеств, неразрывное единство которых составляет его сущность.